

Мори Сан

Черная Канарейка

Часть 2

18+

Мори Сан

Черная канарейка. Часть 2

Серия «Ведьма и суккуб», книга 2

<https://litres.ru/73855498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она проклята. Он — единственный, кто может ее спасти. Но цена — сама душа.

Месяц назад Зара отдала себя суккубу Драмиру. Теперь она не живет — она умирает от голода по нему, теряя остатки магии и рассудка. Демон ушел, но оставил метку глубже любой раны: проклятие, которое разрывает ее изнутри.

В отчаянии ведьма призывает других демонов — древних воинов, не знающих нежности. Дамиан — хладнокровный хищник с серыми глазами, вырвавшийся из бездны. Он согласен помочь, но взамен требует того, что у Зары почти не осталось: ее силы, ее тела, ее огня.

Пока проклятие пожирает ее заживо, а на пороге объявляется тот, кто все это начал, Зара понимает: свобода — иллюзия, любовь — оружие, а война между демонами и ведьмами только начинается.

Но когда пепел оседает на коже, а старые клятвы рассыпаются в прах, остается один вопрос: кто кого сожжет первым?

Темное фэнтези о проклятии, которое не снять поцелуем. О демонах, которые не умеют любить — но умирают за тех, кому поклялись.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Черная канарейка. Часть 2

Глава 1

Первый месяц я училась не ждать.

Впустую. Стоило прикрыть веки — он был тут. Не лицом, нет. Пальцами, что сжимали мои бедра. Голосом, от которого внутри все обрывалось.

Всё, что я клала в рот - шоколад. Я разучилась чувствовать другие вкусы. Ела мало. Все не важно.

Важно было то, что я не могла думать ни о чем, кроме него.

Он не приходил.

Но и не уходил.

Я проклята, поняла я на третьей неделе.

Вызов не кончается, когда демон уходит. Он оставляет в тебе дыру по своему размеру. И ты живешь с этой дырой, дышишь ею, засыпаешь с ней.

Он забрал меня по кусочку. А последний кусочек — тот, который умеет помнить, — он оставил. Чтобы я вечно умирала от желания снова стать его, зная, что это никогда не повторится.

На четвертой неделе я разозлилась: так не бывает.

Спать — просыпаться — ждать. Еда без вкуса, дни без

цвета, мысли только о нем. Я не жила. Я дышала в такт его отсутствию.

Бабушкины книги я вытащила в тот же день, когда пришло осознание: я погибну, если что-то не сделаю с этим!

Я читала заклинания снятия, разрыва, очищения. Ничего.

Ни одного упоминания о том, что делать, если демон ушел, но остался внутри.

На третью ночь я отбросила последнюю книгу. Она упала на пол с глухим звуком, и в тишине дома он показался мне насмешкой.

Тогда я решила. Позвать на помощь.

Алиса ответила после второго гудка.

— Зара?

Я молчала так долго, что она спросила снова, тише:

— Ты где?

— Дома, — сказала я. Голос не слушался. — Приезжай.

Когда в дверь постучали, я не слышала шагов. Просто звук — три удара. Звиги движутся бесшумно.

Я открыла.

Алиса стояла на пороге. Короткая стрижка, серая куртка, лицо спокойное, как тогда, в роще, когда она отключалась, чтобы не чувствовать.

Она посмотрела на меня — на спутанные волосы, на острые скулы, книги, разбросанные по полу, — и ничего не сказала.

Просто шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

Я оглядела ее. У Алисы тени под глазами. Глубокие, синие, будто она тоже не спала. Волосы острижены неровно.

Она смотрела в пол. Не на меня.

— Алиса, — позвала я.

Она подняла глаза. И я увидела.

Тот же взгляд. Пустой, тянущийся куда-то за спину, в угол комнаты, где никого нет. Она смотрела не на меня. Она искала.

— Ты тоже, — сказала я.

Алиса молчала. Потом кивнула.

— Не могу спать, — сказала она. Закрою глаза — и он здесь. Не вижу, но чувствую. Руки. Дыхание.

Она провела ладонью по шее, там, где пульс.

— Всё время кажется, что он сзади. Обернусь — никого. Но стоит отвернуться — снова.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Нет облегчения от ее прихода. Холод.

— Я думала, это только со мной, — сказала я.

Алиса усмехнулась. Криво, без звука.

— Я тоже так думала.

Мы замолчали. В комнате было слышно, как бабушкины часы отсчитывают секунды.

— Он коснулся нас всех, — сказала я медленно. В роще. Когда пели. Он вошел в каждую. Взял то, что смог. И оставил...

— Себя, — закончила Алиса.

— Это проклятие, — сказала я. — Это зараза. Оно передается через прикосновение. Через голос. Расплата за связь с ним.

Я вспомнила его слова в роще: «Я взял то, что они отдали». Я думала, он говорил о части души.

Я ошиблась.

Он взял нас. Всех. И оставил в каждой свой отпечаток.

Я села напротив нее. Пол был холодным, но я не чувствовала.

— Надо вызвать его снова, — сказала я.

Алиса подняла голову. Я не смотрела на нее.

— Я отдам еще часть. Сколько скажет. Лишь бы снял это.

— Часть? — голос Алисы был тихим. — Ты посмотри на себя. Что от тебя осталось?

— Осталось достаточно, чтобы просить. Буду молить, если понадобится. И ты тоже. Мне кажется он умеет жалеть.

Она молчала. Я слышала, как она дышит — прерывисто, как тогда, в роще, перед тем как он вошел.

— А если не согласится?

Я подняла на нее глаза.

— Тогда придумаю что-то еще. Но сначала — это.

— У тебя не хватит сил, — сказала Алиса. — Посмотри на себя. Ты едва стоишь.

Я знала. После месяца бессонницы и голода я не смогу провести даже простой ритуал.

— Тогда вместе, — сказала я. — Объединим силы. Ты

поможешь.

Мы начали готовиться — расчистили место на полу, достали свечи, плотно завешали окна.

Я взяла в руки коробок со спичками, и вдруг меня накрыло.

Остров. Роща. Сорок семь голосов, поющих призыв. И я среди них — с закрытым ртом. Потому что мой голос не сработал бы. На нем уже была печать. Печать моего призыва.

— Он не услышит, — сказала я.

Алиса смотрела на меня, и я видела, как до нее доходит то же, что ударило в голову мне.

— Мы уже вызывали его. Обе. На нем наши печати. Наш голос для него — не призыв. Это эхо.

Мы смотрели друг на друга и понимали: надо придумать что-то еще. Сейчас. Прямо сейчас. Пока не затянуло обратно.

Лохматые головы. Мятые рубашки. В глазах — безумие, которое мы носим в себе уже месяц.

План рухнул.

И вместе с ним — последняя надежда вытащить себя. Я представила: снова эти дни без вкуса, без сна, без него. Руки похолодели.

— Нельзя, — сказала Алиса. Голос сел, но в нем появилось что-то острое. — Назад нельзя.

— Знаю.

Идея родилась как вспышка в обезумевшем мозгу. Я озву-

чила ее сразу, чтобы не успеть испугаться.

— Мы призовем другого, — говорю я. — Кого-нибудь из них. И спросим, как снять это. Демоны знают о демонских проклятиях лучше ведьм.

Алиса смотрит на меня. Я вижу, как она колеблется.

— Придется платить, — говорит она. — Силу. Кровь. Годы жизни.

— Знаю.

Я сжимаю пальцы, чтобы не дрожали. Раздался хруст.

— Но лучше отдать десять лет, чем медленно умирать за один год. Так ведь?

Алиса молчит. Потом кивает. Она тоже понимает, что больше не выдержит.

— Лучше.

Разделись молча. Стянули рубашки через голову, бросили на пол. Холод коснулся спины, груди, бедер. Я смотрела на Алису — ребра выступают, ключицы острые. Она смотрела на меня — то же самое. Две тени, две оболочки.

Свечи расставили по кругу. Спичка чиркнула раз, второй. Огонь затрещал, оплывая воском, и тени на стенах ожили.

Пентаграмму нарисовали на полу перед собой. Пять линий, замкнутый контур. Мел крошился под пальцами, но линии вышли ровные.

Сели на колени перед ней. Голые, лицом к знаку.

Пели призыв без имени. Голоса сплетались, дрожали, но не расходились. Слова уходили в центр пентаграммы, уплот-

няя воздух.

Наконец свечи дрогнули. Пламя наклонилось к знаку. Белые линии раскалились, стали словно лава. Мы замерли в ожидании, напряженно всматриваясь.

Из пентаграммы полезла рука.

Черная, с длинными пальцами, с когтями, которые скребли по доскам. Потом вторая — такая же, хищная, вытянутая. Они уперлись в края знака, пытаясь разорвать контур.

Потом третья. Четвертая.

Я смотрела и не могла пошевелиться. Пентаграмма была рассчитана на одного. Мы звали без имени. Мы не знали, кто или что придет.

Алиса стиснула мои пальцы. Я взглянула на нее — глаза расширены, губы сжаты.

— Что это? — прошептала она.

Я не ответила.

Четыре руки давили на стены пентаграммы, и линии под ними начинали меркнуть.

— Алиса, — сказала я, не узнавая свой голос. — Где край бездны? Там, где белые сосны?

Она смотрела на меня, не понимая.

— Откуда я знаю? Мы не оттуда звали.

Я знала. Но руки лезли дальше, и в центре знака уже угадывалось что-то огромное, сгибающееся, чтобы втиснуться в наш мир

Пентаграмма дрогнула.

Одна из линий вспыхнула и погасла. Я увидела, как по полу побежала трещина — от знака к моему колену.

— Она не держит, — сказала Алиса, сдавленным шопотом.

Из пролома полезли двое. Совершенно черные, будто вырезанные из ночи. Их тела — гибкие, текучие, идеальные. Густые гривы черных волос падали на плечи. Глаза желтые от края до края, и в этой желтизне плавала черная пыль вместо зрачков.

Они были почти одинаковы. Я всматривалась в лица — разница едва уловима: один скуластее, у другого шире разрез глаз.

Глава 2

Алиса смотрела на двух черных фигур в разорванной пентаграмме. Ее пальцы дрожали в моих. Губы тряслись.

— Почему два? — выдохнула она. Голос сорвался на фальцет. — Почему? Мы... мы не...

Она не договорила. Засмеялась — коротко, дергано, и тут же закрыла рот рукой.

Тот, что справа, повел плечом. Грива черных волос качнулась.

— Вас две, — сказал он. Голос низкий, хриплый, хищный. — Пели призыв вдвоем. Почему прийти должен был один?

Он облизнул губы — медленно. Я сжала колени, чтобы не дрожать. Силы ушли. Все, до капли, ушли в этот проклятый призыв.

— Но мы не хотели... — начала я. На острове... нас было сорок восем. Пели вместе. А пришел один!

Демоны переглянулись. Тот, что справа, усмехнулся — обнажил клыки, белые на черном лице.

— Вы ж тогда кому-то конкретному пели? — спросил он. В голосе — ленивая насмешка. — Или так, в пустоту, наугад? Ни имени, ни лица, ни печати?

Я открыла рот. Закрыла.

Алиса дернула меня за руку — резко, больно.

— Мы не знали, что...

— Что? — левый наклонил голову, и черная пыль в его глазах закружилась. — Что призыв работает? Что у него есть цена?

Алиса всхлипнула.

— У нас нет сил, — сказала она. — Мы отдали все. Понимаете? На двоих вас точно не хватит. А вы...

Она махнула рукой в сторону разорванной пентаграммы, и я увидела, как ее пальцы трясутся.

— А мы пришли, — закончил за нее правый. И улыбнулся. — Вы звали. Мы ответили. А что не так?

Второй улыбнулся так хищно, что я вздрогнула.

— Нет сил — это хорошо... Это за-ме-ча-тельно, — растянул он по слогам. — Две ведьмы без сил, это как раз то, что нужно.

Он сделал шаг вперед.

Бабушка учила: демонам нельзя показывать страх. А бессилие — хуже страха. Это приглашение. Открытая дверь.

Я перевела взгляд на демонов. Они не двигались, но я увидела, как изменились их глаза. Черная пыль закружилась быстрее.

Алиса натворила дел.

Второй уже подался вперед, но первый перехватил его за запястье — легко, почти небрежно, но когти блеснули.

— Тише.

— Зачем? Они пустые. Сами позвали.

— Система, — правый коротко усмехнулся, обнажая клыки. — Договор — это не просто слова. Это гарантия, что нас будут звать снова. Иначе какой смысл? Его, не для них придумали. Для нас. Чтобы возвращаться из бездны, после падения. Поэтому сперва — слушаем, — сказал он тихо, почти ласково. — А уж потом решаем, что с ними делать. У нас вся ночь впереди. И они, — он кивнул в нашу сторону, и в его голосе появилась ленивая, опасная нотка, — никуда не денутся.

Я смотрела на них — на черные, гибкие фигуры, на желтые глаза, на то, как они двигались, плавно и опасно, — и чувствовала странное, неуместное разочарование.

Они были совсем не похожи на Драмира. Ни тени того насмешливого высокомерия, ни бархатной угрозы в голосе, ни взгляда, который раздевает медленно, со вкусом. Эти двое были... проще. Грубее. Хищники, да, но без того изящества, которое делало ожидание пытки почти удовольствием.

— Король? — раздался вдруг голос. Тот, что слева, приподнял бровь, и в его желтых глазах что-то качнулось. — А король тут при чём, интересно?

Я опешила.

— И напрасно ты нас сравниваешь, — протянул он, и в голосе появилась хриплая, тягучая нотка. — Не попробовав.

Он облизнул губы — неспешно, с намёком.

— Ты думаешь громко, ведьма.

Я вздрогнула, но взгляд отвела не сразу. Секунда — и всё

же опустила глаза. Потому что в его желтых глазах не было ни сомнения, ни шутки. Только любопытство — голодное, опасное.

Правый усмехнулся коротко, скользнул взглядом по моим ключицам, по ребрам, по рукам, которые я сцепила в замок. Оценил. Отметил. И вдруг повернулся к своему собрату — лениво, всем корпусом, словно время для него ничего не значило.

— Я тебе объясню, при чём тут король.

Голос у него был ниже, чем у левого. Гуще. Каждое слово обволакивало, как смола, и так же медленно отпускало.

Он подошёл ближе — ровно на шаг. Достаточно, чтобы я почувствовала холод, идущий от его тела, и запах: мокрый камень, озон, что-то чужое, нечеловеческое.

— Драмир — суккуб. — Он сказал это так, будто объяснял прописную истину. — А эти, — кивок в мою сторону, короткий, небрежный, — с острова. Того самого, где он забрал силу из камня, стал королём.

Первый демон повел плечом. Грива черных волос качнулась, открывая острую линию скулы.

— Я слышал про тот раз. Сорок восемнадцать ведьм за один призыв. Говорят, он тогда неплохо подзарядился.

— Вот именно, — второй улыбнулся. Улыбка не затронула глаз. — После суккубов остаётся проклятие. Голод. Им кажется, что они все еще желают его. Думают только о нём. И хотят так, что крыша едет тихо и без стука.

Он обвел взглядом комнату — книги на полу, оплывшие свечи, наши тени на стенах. И меня, голую, с подгибающимися от усталости ногами.

— Судя по виду, эти уже дошли до точки.

Алиса дышала рядом — часто, поверхностно. Я чувствовала, как её плечо дрожит, прижавшись к моему. И не могла понять: то ли от холода, то ли от того, что каждый взгляд демона оставлял на коже след — невидимый, но жгучий.

Первый склонил голову к плечу. Жёлтые глаза сощурились.

— Так чего ж они с мужиками какими-нибудь не переспят? — в голосе ленивое недоумение, за которым угадывался смех. — Сняли бы нужду простым способом — и порядок.

Правый замер. Медленно, очень медленно перевёл взгляд на меня. На лицо. На губы. На шею, где пульс бился, наверное, так же отчаянно, как тогда, в роще.

— Потому что ни один мужик голод по суккубу не уймет, — сказал он тихо. — Они их даже мысленно не рассматривают. Тело помнит. Оно знает разницу. И не согласится на подделку.

Он сделал паузу. И вдруг наклонился — так резко, что я не успела отшатнуться. Его лицо оказалось в ладони от моего. Холодный воздух коснулся губ.

— Я прав, ведьма?

Я молчала. Горло сжалось. Он ждал — секунду, другую. Потом выпрямился, и на его лице появилось выражение, ко-

торое я не смогла прочитать. То ли удовлетворение, то ли сожаление.

— Я так и думал.

Он отступил на шаг, повернулся к своему собрату. Встал так, чтобы видеть нас обеих — и одновременно загораживать проход к пентаграмме, от которой остались лишь обгоревшие линии.

— Они призвали нас с одной целью, — продолжил он, и в голосе появилась деловая, спокойная нотка. — В договоре попросят помочь снять проклятие.

Левый хмыкнул. Скрестил руки на груди, и я заметила, как под черной кожей перекачиваются мышцы — плавно, тяжело.

— И что, умеешь?

— Вообще не интересовался таким раньше. — Правый повел плечом. — Но можно поискать.

Он обернулся ко мне. На этот раз медленно, так, что я успела рассмотреть каждую деталь: длинные пальцы с когтями, блестящие от свечного жира, ключицы, уходящие в тень, жёлтые глаза, в которых черная пыль замерла, словно в ожидании.

— Только, ведьма, — сказал он, и в голосе прорезалась та самая бархатная, тягучая нотка, от которой внутри всё сжалось, — у нас тоже есть цена. И ты её не потянешь.

Он посмотрел на Алису. Потом снова на меня.

— Вы вдвоём — может быть.

Левый шагнул из темноты. Встал рядом — плечом к плечу, хищник рядом с хищником.

— И то не факт, — добавил он. — Ты забыл про меня.

Я почувствовала, как Алиса перестала дышать.

Правый замолчал. Жёлтые глаза перебегали с меня на Алису — медленно, с ленивым интересом.

Я слышала, как Алиса дышит — прерывисто, но не испуганно. У меня тоже сил уже даже на страх не осталось.

— Ну, не тяни, что за цена, — выкрикнула я.

— Суккубы — высшие демоны, они берут душу, — сказал правый. Голос весомый, плавный, как у Драмира, но грубее, тяжелее. — Мы рангом пониже. Мы пьем силу. Вашу магическую энергию.

Левый усмехнулся, не сводя глаз с Алисы:

— А у вас её нет. Вы пустые.

Свечи моргнули. Тени на стенах качнулись.

Правый шагнул ко мне. Не приблизился — вторгся. Я почувствовала холод его тела, вся покрылась мурашками.

— Но мы можем подождать, — сказал он, и его голос опустился до шепота, который вибрировал где-то в груди. — Пока восстановится.

Он поднял руку. Когти блеснули в свете свечей. Я не дышала.

— Только, ведьма, — он провёл кончиком когтя по воздуху вдоль моей шеи, не касаясь, но я чувствовала линию, которую он чертил, — у тебя она не восстановится. Из-за го-

лода по Драмиру.

Я дёрнулась. Он улыбнулся — медленно, с прищуром, обнажая клыки.

— Твои мысли слишком громкие, рыжая.

Алиса хмыкнула где-то сбоку:

— Ее мысли всегда слишком громкие.

Правый даже не повернул головы. Он смотрел только на меня.

— Чтобы сила начала восстанавливаться, — сказал он, и его пальцы легли мне на подбородок — холодные, твердые, заставили поднять лицо, — голод надо унять. Ничего личного.

Его большой палец скользнул по моей нижней губе — медленно, с нажимом. Я стиснула зубы, чтобы не выдохнуть.

— Мы не заменим Драмира, — продолжил он, не убирая руки. — Идеально. Проклятие это не снимет. Но если делать это... — его голос стал ещё ниже, — сила начнёт возвращаться.

Левый подал голос — не оборачиваясь, всё ещё глядя на Алису:

— Мы поможем найти способ снять проклятие. А вы заплатите. Силой. Когда она у вас будет.

Он усмехнулся и добавил тише, обращаясь уже только к ней:

— Как ее восстановить, до вас надеюсь дошло.

Алиса не отвела взгляда. В её глазах горело что-то злое.

Животное желание жить. А я думала. Думала о том, что демоны лгут. И сейчас, возможно, они лгут, чтобы поиграть. Унизить. Чтобы потом, когда нам не станет лучше, насытившись, не энергией, но тем, что мы способны сейчас дать, сказать: “Мы пошутили”. И убить.

— Я не лгу, во время договора, звига. Я не суккуб, я воин.—Процедил демон сквозь зубы.—А дать, вы можете сейчас так мало, что это даже не договор, это благотворительность.

Левый хмыкнул, проведя огромной лапой по черной гриве.

Я смотрела в желтые глаза правого. Его пальцы всё ещё лежали на моём подбородке.

— Значит, — сказала я, и голос прозвучал хрипло, — вы будете нас использовать.

Он не ответил. Только чуть склонил голову, ожидая.

— Чтобы потом ещё раз использовать, — продолжила я. А уж потом, мы начнем использовать вас.

Его пальцы сжались — не больно, но ощутимо. Он усмехнулся, и в этой усмешке было что-то неуловимое.

— О, я люблю, когда умные ведьмы формулируют.

Он наклонился — медленно, давая мне время отшатнуться. Я не отшатнулась. Его лицо оказалось в волосе от моего. Я чувствовала его дыхание — холодное, с запахом озона.

— Только, рыжая, — его голос упал до шёпота, и этот шепот прошелся по позвоночнику, заставляя мышцы напрячь-

ся, — не перепутай, кто кого использует первым.

Он отпустил мой подбородок. Провёл когтем по скуле — едва-едва, царапая, не оставляя следа.

Левый тем временем подошёл к Алисе вплотную. Она не отступила — стояла, задрав подбородок, блондинистое каре обрамляло лицо с острыми скулами.

— Ну что, — спросил он, нависая над ней, — блондинка? Ты согласна?

— А у меня есть выбор? — Алиса криво усмехнулась. В её голосе не было страха. Только усталость.

— Выбор есть всегда, — сказал правый, не глядя на неё. — Просто не все варианты ведут туда, куда вы хотите.

Он смотрел на меня. Ждал.

Я посмотрела на Алису. Она кивнула — коротко, резко. Синяки под глазами проступили еще ярче. Она еле стояла на ногах.

— Мы согласны, — сказала я.

Правый улыбнулся. Медленно, со вкусом.

— Отлично. Тогда начнём.

— Прежде, — сказала я, стараясь, чтобы голос прозвучал твердо, — смените облик.

Правый замер. Медленно приподнял бровь.

— Что, прости?

— Облик, — повторила я. — Сейчас вы не привлекаете. А нам и так не просто.

Он усмехнулся. Коротко, безрадостно.

— Сколько с вами возни, — протянул он, качая головой.
— Ну да, до королей нам далеко, не то к чему вы привыкли.
Левый фыркнул, скрестив руки на груди. В его позе читалось раздражение, но глаза уже скользили по Алисе, оценивая.

— Вы кстати, тоже сейчас, как будто почти умерли.

— Может, вам еще цвет глаз подобрать? — продолжил он.

Алиса повела плечом — резко, с вызовом:

— А вы можете?

Левый прищурился, но правый остановил его взмахом руки.

— Хватит.

Он шагнул назад — всего на шаг, но этого хватило, чтобы я выдохнула. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах, жёлтых, хищных, вдруг мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Ладно.

Они стряхнули тьму — просто, без ритуала, как сбрасывают плащ. Чернота стекла с их тел, собралась у ног и растворилась в воздухе, оставив на её месте двоих мужчин.

Правый оказался высоким — намного выше меня, с широкими плечами и мощной грудью. Черные волосы, коротко стриженные, серые глаза — светлые, почти прозрачные, и в них все еще тлел тот же хищный свет, но теперь он казался спокойнее, глубже. Над левой бровью — тонкий шрам, белый след на смуглой коже. Он производил впечатление вои-

на, прошедшего столько битв, что сам стал как сталь.

Левый был чуть ниже, но не слабее — широкие плечи, жилистые руки, фигура бойца, который полагается на скорость. Моложе, хотя для демонов это вряд ли что-то значило. Лицо острее, с нахальной, чуть асимметричной красотой, волосы русые, длиннее, чем у старшего, падают на лоб.

Оба без одежды.

— Довольны? — спросил правый. Голос не изменился — низкий, тягучий.

— Сойдет, — ответила Алиса. Левый усмехнулся, поймав её оценивающий взгляд.

— Это единственное, на что мы способны, — сказал правый. — Мы не суккубы. Не умеем быть теми, кого хотят видеть. Это максимум. Устраивает?

Я кивнула.

Он приблизился ещё — настолько, что я почувствовала жар его тела. В этой форме от него пахло дымом и сосновой смолой, и этот запах перебивал даже горький шоколад моей собственной кожи.

— Ты думала, я не замечу? — спросил он тихо, почти ласково. Его ноздри дрогнули.

Он коснулся пальцами моей шеи — не когтями, просто подушечками, шершавыми, горячими. Я вздрогнула, и он это почувствовал.

— На вкус, наверное, такая же, — прошептал он.

Его пальцы сжались на моем бедре, и он рванул меня

вверх — резко, одним движением. Я охнула, вцепилась ему в плечи, ноги сами обхватили его талию. Жар его кожи обжег грудь, живот, внутреннюю сторону бёдер.

— Не бойся, — сказал он, уже шагая к лестнице.

Я боялась. Я не ожидала, что он сделает это так быстро.

Он нёс меня легко, будто я ничего не весила.

На первой ступеньке он наклонился к моему уху. Губы почти касались раковины.

— Дамиан, — веско произнес он.

Он выпрямился, продолжил подниматься.

— Похоже на Драмира, знаю, — говорил он, и в голосе прорезалась ленивая усмешка. — Только ты, Зара, не перепутай, когда будешь кричать. Я обижусь.

Я сжала губы, чтобы не выдать, как больно кольнуло упоминание Драмира. Хотя пора принять тот факт, что его больше нет и не будет. Но вот так... Через месяц после того как он шептал: “Ведьма, со вкусом шоколада, в глазах которой полынь...”

Стало совсем не по себе.

— Я конечно демон Зара, и мне в принципе не важно, что я там беру, ради силы, но твои мысли о Драмире, каждую секунду напрягают. Я понимаю, проклятье и все такое, но ради приличия, приложи усилие... Я же их слышу.

— А второго как зовут? — спросила я переводя тему.

— Самаэль.

Он произнёс имя небрежно, бросил через плечо.

— Могу отнести тебя вниз, — добавил он, и в голосе появилась темная, тягучая нотка.

— Раз ты им интересуешься.

Я не ответила, а он не остановился.

Через его плечо я бросила взгляд назад.

Алиса и Самаэль уже целовались. Он держал её за затылок широкой ладонью, пальцы утопали в светлых волосах. Она не вырывалась — стояла, задрав подбородок, её руки скользнули ему на грудь, а потом прильнула сама, плотно, без стеснения. Похоже, у них всё складывалось.

Дамиан не обернулся. Он нёс меня дальше, и я почувствовала, как его пальцы на моем бедре чуть сжались — предупреждение или вопрос. Я отвела взгляд.

Он зашёл в спальню так, словно знал, куда идти. Переступил порог, остановился. Огляделся — медленно, с ленивым любопытством.

— Уютно, — сказал он, и в голосе проступило что-то похожее на умиление. — Простенько, но со вкусом.

Я молчала. Он всё ещё держал меня на руках, и это начало сводить с ума — моя беспомощность, его спокойствие, жар его тела, в который я вжималась против воли.

Наконец он повернулся ко мне. Посмотрел. Долго, в упор. Серые глаза скользнули по лицу — по глазам, по губам, задержались.

Я знала, что он сделает, за секунду до того, как он наклонился.

Его губы коснулись моих — совсем легко, пробно. Я дёрнулась назад, сильнее, чем ожидала, и сама поразилась своей реакции. Он замер, не отпуская, и я почувствовала, как его пальцы на моей спине напряглись.

— Зара, — сказал он тихо.

Я не ответила. Он снова привлёк меня к себе — медленно, давая время оттолкнуть. Я не оттолкнула. Но когда его лицо приблизилось, я зажмурилась. Всё тело дрожало, и я не могла понять — от страха, или от того, что месяц без сна сделал с нервами.

Он не поцеловал. Остановился в волосе от моих губ.

— На тебе проклятие сильнее, чем на ней, — сказал он. Голос низкий, спокойный, без насмешки. — Или...

Он замолчал. Я открыла глаза. Его серые смотрели в упор, и в них не было привычной ленивой издевки.

— Или ты действительно его любила, — закончил он. — Не знаю, что хуже.

Я сжала челюсть. Слова застряли в горле — все, которые я говорила себе месяц, все, в которые пыталась поверить.

Он выпрямился, чуть отстранился, но не отпустил.

— Так дело не пойдёт, — сказал он. — Я могу взять тебя силой. Легко. Но это не поможет тебе восстановиться. А без этого наш договор не имеет смысла.

Я вспомнила слова Драмира: “Я не способен брать против воли, я суккуб, я подчиняюсь желанию, но один мой вздох и ты будешь умолять о близости, один выдох и ты забудешь

зачем призывала.”

Дамиан ждал. Я чувствовала, как бьётся его сердце — медленно, тяжело, совсем не как у человека.

— Что ты предлагаешь? — спросила я.

Он молчал ровно столько, чтобы я успела представить всё самое худшее.

— Есть два варианта, — сказал наконец демон. Голос спокойный, ровный, будто мы обсуждали погоду. — Первый мне нравится. Второй — не очень. Поэтому начнём с первого.

Он разжал руки, и мои ноги коснулись пола. Я пошатнулась — слишком долго висела на нём, слишком долго не стояла сама. Но он придержал меня за талию, убедился, что не упаду, и кивнул на кровать.

— Садись.

Я села. Простыня под пальцами была холодной, и этот холод пробирался сквозь кожу.

Дамиан опустился рядом — не на кровать, на пол. И лёг. Спиной на доски, закинув руки за голову, и закрыл глаза. Длинные ресницы легли на скулы.

Я смотрела на него. На широкую грудь, на живот, на твёрдые мышцы, которые не расслаблялись даже в этой позе. На бёдра, на то, что лежало между ними и уже не скрытое тьмой.

— И что мне делать? — спросила я.

Он приоткрыл один глаз.

— То, что считаешь нужным и возможным.

— Я не знаю, что...

— Зара, — перебил он. Глаз закрылся. — Я не буду тебя трахать, пока ты будешь думать о другом. Не выйдет. Поэтому делай что хочешь. Или не делай. Второй вариант был, завязать тебе глаза и думай о ком хочешь. Ну только тут уже у меня проблемы начнутся.

Он замолчал. Я сидела и смотрела на его руки, закинутые за голову, на то, как двигаются мышцы под кожей, на спокойное, расслабленное лицо.

Выхода не было. Я знала это. Если я не смогу, если проклятие сломает меня сейчас — не будет ничего. Ни силы, ни договора, ни надежды выбраться из этой пустоты, в которую я провалилась месяц назад.

Я сделала вдох. Потом ещё один.

И протянула руку.

Пальцы коснулись его плеча — там, где мышца переходила в шею. Кожа была горячей, гладкой, под ней чувствовался плотный слой силы. Я провела ладонью ниже, по ключице, по груди, чувствуя, как бьётся сердце — медленно, ровно.

Он не шевелился. Не открывал глаз. Только дышал — глубоко, спокойно, и я поняла, что он ждёт. Не подгоняет. Не требует. Ждёт, когда я перестану бояться.

Я скользнула пальцами по его животу, чувствуя, как под ними напрягаются мышцы. Он не дернулся, но дыхание чуть переменялось — стало глубже. Я заметила это и замерла, прислушиваясь к себе.

Я провела ладонью по его бедру, и он вздохнул — тихо,

почти неслышно. Я смотрела на его лицо. Глаза всё ещё закрыты, но губы чуть приоткрылись.

Моё дыхание сбилось.

Я опустилась на колени, перекинула ногу через его бедра. Села сверху, чувствуя, как его тело принимает мой вес. Кожа к коже, жар между ног — и пустота внутри начала заполняться чем-то другим. Не мыслями о Драмире. Не болью. Желанием. Глухим, темным, голодным.

Я опустила ладони на его грудь, чувствуя, как под ними колотится сердце. Он не открывал глаз, но я видела, как напряглись мышцы шеи, как сжалась челюсть.

— Дамиан, — сказала я.

Он не ответил. Только чуть приподнял бёдра, и я вздрогнула, почувствовав его там, где тело уже начало отзываться.

Я приподнялась, медленно, чувствуя, как он входит в меня, и замерла. Внутри всё горело — не от проклятия, от живого, настоящего жара, который разливался по животу, по груди, по горлу.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня. Серые глаза, спокойные, но в глубине — что-то темное, что заставило мои бёдра сжаться.

— Вот так, — сказал он тихо. — Не думай. Просто делай.

Я начала двигаться.

Медленно, неуверенно. Мои бедра поднимались и опускались, и каждое движение отдавалось в животе пульсацией, заставляя пальцы впиваться в его грудь. Дамиан не помо-

гал. Не направлял. Просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел на меня снизу вверх.

Или не смотрел. Глаза его были прикрыты, но я чувствовала его внимание — тяжелое, сконцентрированное на мне, на каждом моем вдохе, на том, как моё тело принимает его.

Жар внутри рос. Я скользила по нему, всё быстрее, и горечь, которая месяц отравляла меня изнутри ядом, отступала, меняясь чем-то плотным, горячим, живым.

Я хотела увидеть его глаза.

— Дамиан, — выдохнула я.

Он открыл их. И я вздрогнула.

Радужка исчезла. Вместо серого — чернота, густая, как смола, в которой плавала дымка, живая, клубящаяся. Глаза демона, смотрящие на меня без намека на человеческое.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Боишься? — спросил он. Голос стал ниже, в нём появилась хрипотца, и эта хрипотца прошла по позвоночнику, заставляя мышцы напрячься.

Я не ответила. И сама не знала — боялась или нет.

Я двинулась снова. Сильнее. Быстрее. Чувствуя, как его пальцы наконец сжали мои бедра, как он приподнялся навстречу, входя глубже.

Он втянул воздух — резко, шумно, и его ноздри дрогнули.

— Шоколад, — выдохнул он, и в голосе прорезалось что-то первобытное. — Сильнее, чем внизу. Чем ближе ты к разрядке, тем слаще пахнешь.

Драмир, мелькнуло в мыслях, но я упрямо трянула головой отгоняя его.

— Все правильно, — сказал он, и его голос прозвучал уже совсем не человечески. — Не вспоминай.

Я не думала. Я чувствовала, как разрыв внутри затягивается жаром, как моё тело вспоминает, что хочет жить, как его пальцы врезаются в мою кожу, удерживая, не давая остановиться.

Чёрные глаза смотрели снизу вверх, и в их глубине дымка кружилась быстрее, повторяя ритм моих движений.

Вдруг Дамиан дернулся — резко, всем телом. Его рука обхватила мою талию, прижимая к его бедрам, вторая легла на спину, придерживая. И он встал.

Я охнула, повисла на нём, ноги сами обхватили его спину, а ногти впились в кожу. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Тише, — выдохнул он, и в его голосе не было спокойствия. Только подавляемая сила. — Ты уже готова. А я больше не могу сдерживаться.

Он не спрашивал. Он предупреждал.

Я не успела ответить. Он вошёл в меня резко, глубоко, и мир сузился до точки. Его движения были жёсткими, ритмичными, не оставляющими времени на мысли. Каждый толчок отдавался в позвоночнике, в горле, в кончиках пальцев, которые царапали его спину.

Вокруг нас начала клубиться черная дымка. Она поднималась от его плеч, от рук, обтекала нас, сгущалась, превра-

щая комнату в размытое пятно.

— Я заберу у тебя белый снег и сосны, — сказал он тихо — И оставлю кое-что другое.

Он наклонился и поцеловал меня. Не так, как вначале — слегка, пробуя. Теперь его губы были жёсткими, требовательными, язык ворвался в мой рот, и я ответила, кусая, царапая, теряя остатки контроля.

На секунду мне показалось, что мы провалились. Комната исчезла. Вокруг была только темнота — густая, бархатная, живая. В ней кружились искры, золотые, красные, они вспыхивали и гасли, оставляя следы на сетчатке. Дно Бездны. Я чувствовала его — древнее, чужое.

А потом я почувствовала когти на своей спине. Они впились в кожу — не больно, но ощутимо, оставляя полосы, которые горели.

Он двигался во мне грубо, жестоко, и я поняла, что это не просто страсть. Он брал меня — без нежности, без жалости.

И мне это понравилось.

Потому что это был не Драмир. Драмир двигался медленно, сладко, обволакивая, заставляя таять. Драмир брал душу. Дамиан только тело, резко, властно, заставляя чувствовать каждую клетку. Гореть огнем. Он возвращал на место ярость, которую Драмир украл у меня.

Контраст обжигал.

Я выгнулась, вцепившись в его волосы, и закричала — не от боли, от того, что пустота внутри наконец схлопнулась,

наполняясь им, его силой, его тьмой.

Первое, что он услышал, когда наконец меня отпустил:

— Ещё!

Он замер, глядя на меня сверху вниз. Чернота в его глазах начала рассеиваться, возвращая серый, но в глубине все еще тлела дымка. На его губах появилась усмешка — медленная, ленивая.

— Надо же, — протянул он. — Видимо, я не смог в полной мере удовлетворить девушку. Я и вправду древний...

Я расхохоталась. Свободно, громко, не узнавая собственный смех. Он вырвался откуда-то из груди, где месяц была только выжженная земля, и теперь эта земля оживала, пускала ростки.

Я оттолкнулась от его плеч, запрыгнула на него, обхватив ногами талию. Он подхватил меня — легко, будто я ничего не весила.

— Сейчас ты прогнал Драмира, — сказала я, глядя ему в глаза. В моем голосе появилась та самая уверенность, которую я потеряла месяц назад. — И я хочу тебя. Даже тени его нет в моих мыслях.

Он смотрел на меня. Серые глаза, всё ещё с намеком на демоническую черноту по краям радужки, изучали мое лицо, мои губы, мои глаза.

— Тогда, рыжая, — сказал он, и в его голосе прорезалось что-то тёмное, голодное, — нам предстоит долгая ночь.

Она была долгой. Мы занимались любовью до тех пор,

пока свечи не догорели, пока первые лучи солнца не проникли сквозь шторы. Он брал меня по-разному — жёстко и медленно, сверху и снизу, у стены и на полу. Я не считала. Я просто чувствовала, как возвращаюсь к жизни. Как ведьминская суть, запечатанная проклятием, начинает оттаивать, расправляться, наполнять вены теплом, густым, текущим.

Я засыпала уже под утро, уткнувшись носом в его грудь. Сквозь дрему я слышала его дыхание — глубокое, ровное.

Он не ушёл.

Я проснулась, когда солнце клонилось к закату. В комнате пахло шоколадом — моим, и дымом — его. Тело было тяжёлым, но не от усталости. От силы. Я лежала, чувствуя, как под кожей переливается что-то теплое, как магия, которую я считала навсегда утраченной, возвращается в каждый сосуд, в каждую клетку.

Дамиан лежал рядом, на спине, закинув руки за голову. Глаза его были открыты, и он смотрел в потолок спокойно, терпеливо.

— Долго спала, — сказал он, не поворачивая головы.

— Сколько?

— Весь день.

Я улыбнулась. Медленно села, чувствуя, как сила течет по венам, как она возвращает мне то, что Драмир забрал. Не всё. Но достаточно. Чтобы дышать. Чтобы жить.

— Сработало, — сказала я.

Дамиан повернул голову. Его серые глаза смотрели на меня без насмешки, без лени. Только спокойное, твердое удовлетворение.

— Драмир ушёл? — спросил он.

Я закрыла глаза. Прислушалась к себе. Там, где месяц зияла рана, теперь пульсировало что-то живое. Не его, нет. Моё.

— Он ушёл, — сказала я.

Дамиан чуть сжал пальцы на моих плечах.

— Теперь ты должна восстановиться до конца, — его голос звучал ровно, почти безразлично, но в нём прорезалась едва заметная хрипотца. — Чтобы накормить меня. А то с твоей активностью я начну падать в обморок.

Я обернулась. Он смотрел сверху вниз, и в его серых глазах плясала знакомая ленивая усмешка. Но под ней я увидела другое — ту самую дымку, что кружилась в черноте его зрачков прошлой ночью. Только теперь она была бледнее, приглушеннее, но от этого не менее голодная.

Он только вышел из Бездны. И всё это время, пока возился со мной, тратил силы. А я — пустая ведьма, которую нужно сначала наполнить, чтобы она могла отдать. За напускной шуткой скрывалась настоящая нужда.

— Голоден? — спросила я прямо.

Он не отвел взгляда.

— Терпимо, — сказал он. — Но если ты будешь так медленно восстанавливаться, придётся искать другие источники.

— Не придётся, — ответила я, чувствуя, как под кожей переливается вернувшаяся сила, ещё слабая, но уже живая.
— Я быстро.

Он усмехнулся, и в этой усмешке мелькнуло что-то настоящее, тёплое.

— Посмотрим, рыжая.

Мы спустились вниз.

Алиса и Самаэль уже были на кухне. Она сидела на стуле, закинув ногу на ногу, и пила чай. Самаэль стоял у окна, прислонившись плечом к косяку, и лениво наблюдал за ней. Оба выглядели... довольными. У Алисы даже порозовели щёки.

— Выспалась? — спросила она, глядя на меня поверх кружки.

— Весь день, — ответила я. — А ты?

— Не спала, — Алиса усмехнулась, бросила быстрый взгляд на Самаэля. Тот ответил ей кривой, нахальной ухмылкой.

Дамиан вошёл следом, и комната сразу стала теснее. Он огляделся, задержал взгляд на Самаэле, потом перевёл на меня.

— Нам нужно кое-куда сходить, — сказал он. — В город. Только вначале нас надо одеть.

Я окинула взглядом его фигуру — широкие плечи, мощная грудь, всё при нём, но без одежды. Потом перевела взгляд на Самаэля. Тот же вопрос.

— В моём доме нет мужской одежды, — сказала я.

Дамиан кивнул, не выказывая удивления.

— Значит, найдём в городе.

— Вы умеете становиться невидимыми? — спросила я. —

Как суккубы?

Дамиан усмехнулся. Коротко, безрадостно.

— Это умеют только суккубы, они высшие демоны. Мы же — воины. Но кое-что другое умеем.

Он шагнул ко мне. Я не отступила. Его пальцы коснулись моего плеча, скользнули ниже, остановились на запястье.

— Не бойся, — сказал он.

И начал таять.

Тьма потекла с его тела — не отрываясь, не падая на пол, а вытягиваясь куда-то, сворачиваясь. Плечи, грудь, руки — всё расплывалось, превращалось в густую, живую черноту, которая стекала по моей руке, обвивала пальцы, поднималась выше.

Я замерла. Он не исчезал — он перетекал в меня, точнее, в то, что было подо мной. В мою тень.

Чернота собралась у ног, сгустилась, и тень, которая всегда лежала на полу плоским серым пятном, вдруг стала глубоже, плотнее, словно в ней открылась бездна.

Дамиан исчез.

Алиса смотрела на пол у моих ног широко раскрытыми глазами.

— Это... — начала она.

— Тень, — закончила я. Моя тень. Только теперь она была

не плоской. Она дышала.

Я сделала шаг. Тень двинулась следом — мягко, плавно, как всегда, но теперь я чувствовала в ней чужое присутствие. Тяжёлое, живое, терпеливое.

Самаэль усмехнулся, глядя на Алису.

— Ну что, блондинка, — сказал он, и в голосе появилась та самая нахальная нотка. — Не боишься?

Алиса вздернула подбородок.

— Нет.

Самаэль шагнул к ней, коснулся её плеча, и тьма потекла по её руке так же, как по моей. Через несколько ударов сердца его не стало, а тень Алисы на полу сгустилась, стала глубже, чернее.

Мы стояли в кухне, две ведьмы с живыми тенями у ног.

— Удобно, — сказала Алиса. В её голосе слышалось напряжение, но она старалась держаться.

Я посмотрела на свою тень. Она лежала на половицах неподвижно, но я чувствовала её тяжесть, ее живое, терпеливое дыхание.

— Пошли, — сказала я. — Нужно успеть до темноты.

Мы накинули плащи, вышли за дверь. Вечерний воздух ударил в лицо, и тени под ногами сгустились, втянулись, спрятались от света.

Магазин мужской одежды встретил нас запахом ткани и тишиной. Продавец за прилавком поднял голову, удивлённо оглядел нас с Алисой.

— Нам нужно одеть мужчин, — сказала я, направляясь к стеллажам.

— Они... подойдут? — растерянно спросил он.

— Уже здесь, — бросила Алиса, хватая серый свитер и куртку.

Мы набрали вещей и скрылись в примерочных. Я задернула шторку, и тень под ногами ожила. Дамиан проявился из черноты — бесшумно, вплотную. И в без того тесной кабинке, совсем не осталось места.

— Одевайся, — протянула ему рубашку и брюки.

Через минуту мы вышли. Дамиан — в чёрном, с закатанными рукавами, спокойный и опасный. Из соседней кабинки вылетела Алиса, толкая перед собой Самаэля в сером свитере и замшевой куртке.

Продавец смотрел на них, переводил взгляд на пустые кабинки, на дверь, которая ни разу не открывалась.

— Они... они откуда?

— Ждали, пока выберем, — невозмутимо сказала я, выкладывая деньги.

— Но я не видел...

— Вы отвлеклись, — добавила Алиса, забирая сдачу.

Мы вышли под звон колокольчика. Продавец остался сидеть с открытым ртом.

— Он сейчас охотников вызовет, — фыркнула Алиса.

— На что? — лениво спросил Самаэль, поправляя воротник. — Двух парней, которые пришли за одеждой? И что нам

охотники, на нас надо звиг вызывать, а вы уже и так здесь.

Дамиан шёл рядом со мной, его рука иногда касалась моей.

— Куда мы идём? — спросила я.

— Я, кстати, тоже без понятия, — признался Самаэль, запахивая куртку.

— Кто лучше может знать о проклятии суккубов, как не сами суккубы? — ответил Дамиан. — Нужно ехать. Я знаю, где один из них.

— Поедем в Бездну? — пошутила Алиса.

Дамиан усмехнулся, но в голосе зазвенел холод:

— Не так хорошо вы делаете свою работу, звиги. Очень много демонов осталось на свободе. И этот суккуб — один из них.

Что-то снова было не так. Каждый раз, когда он произносил «суккуб», моё сердце пропускало удар. Фонари потускнели. В легкие по капле капала вода. Я взглянула на Алису — у неё не было тех же симптомов.

Спустя время Дамиан заметил, что мой взгляд стал рассеянным, а движения скованными.

— Да твою мать, — вспыхнул он, резко разворачивая меня к себе и заглядывая в глаза. — Твоё проклятие слишком сильное. Я схохну от голода раньше, чем тебя откачаю. Стойте здесь.

Он развернулся и исчез в одной из тёмных улиц.

— Куда он? — удивлённо спросила Алиса.

— Жрать какую-нибудь ведьму, — невозмутимо ответил Самаэль. — Он дольше меня пробыл в Бездне. Он старше, ему нужно больше энергии. Когда мы наверху, она и так горит моментом. А тут ещё вы с вашими аппетитами.

Он скользнул взглядом по Алисе, и в голосе появилась та самая нахальная, нотка:

— Но я не в обиде. Мне не хватало этого в Бездне почти так же, как еды.

Мы с Алисой переглянулись.

— Он что — без договора? Кого-то выпьет? — спросили мы почти в унисон.

Самаэль усмехнулся нашей наивности:

— Он на свободе. Какие договоры?

— А ты почему не делаешь так же? — спросила я с подозрением.

— Ну, это, как бы на минуточку, очень опасно, — ответил демон. — Вы — наш естественный, природный лом. А против лома нет приема, сами знаете. Любая налитая, в меру сильная звига может кинуть в Бездну. Я вообще предпочитал не жрать ведьм. Обходился людьми. Правда, их нужна пачка на завтрак.

— Ты их убивал? По десять на завтрак? — Алиса пришла в ужас.

— Да не. Забираю искру. Ну, болеют потом долго, конечно. Но живые.

— А Дамиан?

— Дамиан — древний воин. Он людьми брезгует. Да я и не представляю, сколько ему их нужно, чтобы поесть.

— А если его кинут в Бездну? — ужаснулась я. — Он же совсем без сил!

Самаэль захохотал:

— Он на тебя такое впечатление произвёл ночью? Я ему передам.

Он замолчал, и его голос стал жестче, когда он добавил:

— Если его кинут в Бездну, значит, ему не повезло.

Тьма сгустилась. Небо чернело за рваными облаками. Мы ждали молча, не решаясь говорить.

Спустя час в глубине переулка затеплился огонек сигареты. Потом из темноты вышел Дамиан.

— О, всё нормально, — облегченно выдохнул Самаэль.

— Он курит? — удивились мы с Алисой одновременно.

— После каждой убитой ведьмы. Сигарету. На удачу или вроде того. Ещё это у него после индейской шаманки повелось. Он забавный, если в настроении. Я в Бездне от него ни на шаг не отходил. Он столько историй знает. Правда, если уговорить его разговаривать.

Убитой. Мы переглянулись с Алисой и помрачнели. Её кровь на наших руках.

— Ну что вы раскисли? — голос Самаэля стал жёстче. — Всё честь по чести. Она держала бой с тем, с кем ей положено воевать. И погибла в бою. Дамиан тоже мог умереть или быть сброшенным в Бездну на сотни лет. Ведьма умерла как

должно. Как воин.

Он сплюнул на асфальт.

— Это в тысячу раз лучше, чем то, как с вами поступил Драмир. Использовал и выкинул, как собак — сдыхать от голода. Дамиан, вот кто должен был быть королём. Он почти такой же древний. А не этот лицемерный, лживый суккуб. Такие власти и добиваются. Для него все вокруг — шахматные фигуры на доске. Что ведьмы, что люди, что демоны.

Я судорожно сглотнула.

— Заткнись, Самаэль, — прорычал Дамиан, еще не подойдя.

— А что? Пускай знает. Может, станет меньше желать его. Ты думаешь, ты сама захотела попасть на тот остров? Спасти сестёр? Смотреть, как он сгорает?

— Заткнись! — рычал Дамиан.

— Не удивляйся, я читал твои мысли. Это он вёл тебя туда с самого начала. Управлял как марионеткой. Ему нужна была своя ведьма на острове, которая уговорит петь остальных. Ему нужен был камень, а не твое спасение. И ты повелась.

Мощный удар отбросил Самаэля, он упал на колени. Из рта вытекла вязкая струйка демонской крови. Запахло жженым сахаром и железным корнем.

Дамиан встал над ним.

— Если я сказал заткнуться, ты должен заткнуться. Я старше тебя по возрасту, я выше тебя по титулу. Ещё раз прямое неподчинение — и я тебя просто убью.

Алиса вытерла кровь с лица Самаэля краем плаща. Но она продолжала течь.

— Ты не прав, Дамиан. Это не жестокость. Это правда. И она должна была ее узнать.

Я закрыла глаза и дышала. Я следила за дыханием. Потому что знала: если перестану, то просто не буду дышать совсем.

Дамиан лишь взглянул на меня. Потом повернулся к Самаэлю, и в голосе его зазвенела ярость.

— Вставай. Хватит валяться. Ищи машину.

Самаэль молча поднялся, вытер кровь с губ и исчез в переулке.

Алиса схватила меня за плечи, начала тормошить:

— Зара? Зара, ты здесь? Дыши!

Я слышала её голос откуда-то издалека, сквозь толщу воды. Хватала ртом воздух, но его не доставало. Руки вцепились в грудь, будто туда всадили нож. Никакого ножа не было. Была правда. И она была больше любого клинка.

Дамиан отодвинул Алису, схватил меня за щёки — жёстко, пальцы вдавились в скулы, заставляя поднять лицо. Разжал челюсть, наклонился и прижался губами к моим.

Не поцелуй. Не нежность. Губы к губам — и в рот хлынуло что-то горячее, плотное, живое. Сила. Чужая, только что взятая, ещё не успевшая остыть. В ней чувствовался привкус крови и железа, запах жженого сахара — демонская метка, смешанная с последним выдохом той ведьмы. Сила растеклась по языку, по горлу, ударила в легкие, заставляя их рас-

крыться.

Я вздохнула. Полной грудью. И еще раз. И ещё.

— Неужели для тебя это открытие? — спросила Алиса. В её голосе не было жестокости, только усталое недоумение. — Как будто это не было очевидно.

Я посмотрела на неё. На её спокойное лицо, на руки, которые только что трясли меня за плечи.

Это не с тобой он был часами, — подумала я. — Не тебе он шептал, что я — единственная, кто верил в него до конца на острове. Не тебе говорил, что моя сила — не в магии, а в самой моей сути, которую не отобрать. Не тебе он обещал, что память обо мне будет носить с собой в бездне вечно.

Воспоминания нахлынули — вязкие, темные, сладкие, как шоколад, которым пахла моя кожа. Драмир брал меня долго. Часами. Он говорил, что я — не как все, что он нашел бы меня и без призыва. Что я пламя а он ветер и мы сожжем мир.

Он был с тобой только раз, — мысль обожгла. — Он просто пришёл, взял своё и ушёл. Ты не знаешь, каково это когда он держит в руках твою душу, его голос проникает под кожу и остается там навсегда.

Я не сказала этого вслух. Только отвела взгляд. Но Дамиан вздрогнул и покачал головой.

— Как же сильно он тебя отделал...

Он отпустил мое лицо, выпрямился. Сила внутри пульсировала, горячая, чужая, но живая. Она затыкала дыры, за-

шивала раны, не спрашивая разрешения.

— Пришла в себя? — спросил он. Голос ровный, без тени ярости.

Я кивнула.

В переулке фыркнул мотор. Самаэль подогнал тёмную машину, открыл заднюю дверь.

— Залезайте, — бросил Дамиан. — Времени нет.

Алиса полезла первой. Я за ней. Дамиан сел впереди, рядом с Самаэлем. Машина рванула с места, и я вжалась в сиденье, глядя, как за окном исчезают фонари и тени. Луна скрылась за тучами, и город за спиной погас, словно его и не было.

Мы проехали часа три. К тому моменту меня накрыло снова. И Алиса начала бледнеть — голод просыпался, неумолимый, иссушающий. Когда мы выехали за пределы очередного города, я позвала:

— Дамиан.

Он обернулся, окинул взглядом меня, Алису.

— Привал, Самаэль.

— Уже? — молодой демон был обескуражен.

— Как видишь.

Самаэль съехал на обочину, колеса заскрипели по песку.

Мы остановились у соснового бора. Я вышла из машины. В висках билось с пульсом: Драмир... Драмир... Драмир...

Дамиан вышел следом, схватил за локоть и увлек в глубины леса. Я еле поспевала за ним — по мху, в котором ноги

утопали по лодыжку.

— Дамиан, — запыхавшись, спросила я, — почему не помогает? Почему мне хуже?

— Начинаю догадываться, — процедил демон сквозь зубы. — Надеюсь, я ошибаюсь.

Он резко повернул меня к себе и поцеловал — бесцеремонно, жестко, впиваясь в губы так, что я почувствовала привкус железа. Одной рукой задирает платье, пальцы вдавливались в бедро с силой, не оставляющей выбора. В его глазах плескалась черная дымка, почти залившая серую радужку, лицо было напряженным, сведенным — желваки ходили под кожей, ноздри раздувались. Член уже стоял, твёрдый, пульсирующий, прижатый к моему животу, и я чувствовала, как ему самому тяжело дышать, как каждый вздох вырывается сквозь стиснутые зубы.

Он вошел резко, без прелюдий, одним толчком — сухо, больно. Я ошеломленно выдохнула, не успевая ответить, но он не ждал. Двигался рвано, раздраженно, каждый толчок сопровождался глухим рыком из груди. Его пальцы вцепились мне в талию так, что наверняка останутся синяки.

— Ещё и сосны эти дебилные, — выдохнул Дамиан, и в его голосе слышалась настоящая злоба — не на меня, на всё вокруг.

С его рук на мои потекли черные струйки. Они растекались, ширились, и я испуганно вздрогнула — они заползали на грудь, на живот, на спину, обволакивали холодом, чужим

и живым. Он продолжал двигаться, ритмично, жёстко, но я видела, как его тело напряжено до предела — мышцы спины перекатывались под кожей, плечи были вжаты, голова чуть откинута. Глаза полуприкрыты, зрачки почти исчезли в черноте, вены вздулись на висках и шее.

Чёрные кляксы на моей коже похолодели. А потом подстроились под его движения. Каждый раз, когда он входил, на меня наплывала ледяная чёрная волна. Когда выходил — откатывалась. Контраст обжигал, выбивая из лёгких воздух. Я задохнулась от ощущений, мир поплыл, и разрядка наступила почти мгновенно — выгнула, сжала, выбила хриплый стон из горла, который потерялся где-то в сосновых кронах.

Дамиан не остановился. Его дыхание стало тяжелее, движения — грубее, отрывистее. Он выпустил когти — я почувствовала, как они царапают кожу на бёдрах, не глубоко, но ощутимо, оставляя горящие полосы. Три мощных, рваных толчка — и он замер, прижав меня к себе, уткнувшись лбом в мое плечо, тяжело дыша.

— Прости, — процедил он, всё ещё не отстраняясь. Голос глухой, виноватый, но без намека на нежность. — Нет настроения на долгие игры.

Дамиан вернулся к машине тяжелый, будто нес на плечах невидимый груз. Воздух вокруг него гудел, насыщенный злобой и невысказанным напряжением. Он распахнул дверь, и в салон ворвался запах сосновой смолы и железа.

Я забралась на заднее сиденье следом. Внутри было пусто.

Тело ныло, но не от удовольствия, а от надлома. Проклятие не отступило. Оно затаилось, свернулось клубком в животе и холодило изнутри, несмотря на жар демона.

На контрасте с нами Алиса и Самаэль выглядели почти нормально. Слишком нормально.

Самаэль ухмылялся, крутя баранку. Алиса сидела рядом, улыбалась чему-то своему, поправляя воротник свитера. Она казалась чужой. Не той Алисой, что дрожала со мной на полу у пентаграммы. Сейчас в ее глазах не было боли. Только спокойствие, сытость. Это раздражало. Резало по нервам, как тупое лезвие.

Самаэль глянул в зеркало заднего вида, оценивая мой вид: мои спутанные волосы, покрасневшую кожу, потом перевел взгляд на злое лицо Дамиана с боку.

— Не дала?! — воскликнул он. В голосе звучало искреннее, нахальное удивление.

— Заткнись, — сказал Дамиан. Голос был низким, вибрирующим от сдерживаемой ярости.

Он повернулся к Алисе. В полумраке салона его глаза светились неестественным серым огнем.

— И, ты, не лезь к ней больше со своей правдой, — бросил он жестко. — Помнишь, как стояла полумертвая у пентаграммы? Свои ощущения помнишь?

Алиса перестала улыбаться. Сжала пальцы на коленях.

— Так вот, — Дамиан не отводил взгляда, — ей в десятки раз хуже, чем тебе. И стояла она рядом с тобой на ногах

только потому, что в десять раз сильнее. Не забывай это.

В машине повисла тишина.

Алиса отвернулась к окну. Самаэль больше не шутил. Он сосредоточенно смотрел на дорогу, но иногда, украдкой, кидал на Дамиана странные взгляды. Словно догадывался о чем-то, что нам с Алисой было недоступно.

Спустя час Алиса сказала, нарушив молчание:

— Я голодная.

Ее голос прозвучал слишком громко в пропитанной тишиной машине, ударив по стеклам. Наваждение рассеялось.

— Опять?! — воскликнули демоны в шоке, одновременно. Самаэль дернул головой, выныривая из собственных мыслей, а Дамиан, сидевший рядом со мной, медленно повернулся к Алисе. В его серых глазах, все еще хранивших отблеск недавней ярости, мелькнуло искреннее, почти комичное недоумение.

— Я есть хочу, еду, — пояснила Алиса, ничуть не смутившись. Она говорила раздраженно, с вызовом, словно предъявляя претензию всем собравшимся. — Я забыла, когда последний раз ела. По-настоящему.

Демоны расслабились. Самаэль, не выпуская руль, откинулся на спинку сиденья и шумно выдохнул, разом сбрасывая напряжение. Его лицо вновь обрело нахальное, слегка беспечное выражение. Он вздохнул, изобразив на лице трагическую скорбь.

— Бедные земные мужики, — протянул он, качая голо-

вой. — С ними же совсем нет покоя. То одно, то другое: хочу, хочу, хочу. И все по кругу.

— Заткнись, — беззлобно бросил Дамиан, и в этом коротком слове мне почудилось что-то... усталое. Будто он привык делать это — затыкать Самаэля, удерживать его от лишнего.

— Ты как? Потерпишь? — спросил Дамиан. Он даже не смотрел в мою сторону, но я знала, что вопрос адресован мне. Речь шла не о еде. Речь шла о голоде, что свернулся холодным клубком где-то под ребрами.

Я кивнула. Движение далось тяжело.

— Я тоже бы поела, — сказала я.

Самаэль кинул быстрый взгляд в зеркало заднего вида, оценивая нас с Алисой.

— Да уж, вид у вас, девчонки, тот еще, — констатировал он. — Ладно, сейчас что-нибудь организуем.

Он ловко, не спрашивая ни у кого разрешения, свернул на съезд, подсвеченный оранжевыми огнями придорожной инфраструктуры. Прямо перед нами выросла громоздкая вывеска мотеля: «Sleepy Hollow Motel» — неоновая надпись мигала, половина букв давно перегорела, превращая «Hollow» в нечитаемое пятно. Рядом, под стать мотелю, придулся бар — одноэтажное здание из темного сайдинга с широкими окнами, за которыми угадывалось движение.

Парковка перед ним была заставлена плотно. Тяжелые фуры, поблескивая хромом в тусклом свете фонарей, стояли

ровными рядами, как стадо уснувших зверей. Дальнобойщики знали это место. Здесь можно было и перекусить, и перехватить пару часов сна, не отъезжая далеко от трассы.

Дамиан вышел первым. Он сделал это так, как делал все — спокойно, уверенно, закрывая собой пространство. Огляделся, прищурился, втянул ноздрями воздух. Сейчас, в этом свете мигающего неона, среди запахов солянки и жареного мяса, он казался еще более чужим, чем в моем доме. Хищник, зашедший в клетку к домашней скотине.

— Чисто, — бросил он коротко. — Люди.

Самаэль выскользнул из-за руля, потянулся, хрустнув позвонками. Движения его были текучими, кошачьими — в них чувствовалась сила, которую он привык экономить, но которая никуда не делась. Он перевел взгляд с Алисы на дверь бара, за которой угадывался гул голосов и звон посуды, потом обернулся к Дамиану.

— Пойдем с ними?

— Нет, — Дамиан покачал головой. Он стоял у капота, привалившись бедром к теплому металлу, и смотрел куда-то в темноту за стоянкой, где трасса уходила в ночь. — Я тоже голоден. Почти все, что взял у той звиги, я отдал ей. А Зару еще неизвестно, сколько раз и как, придется откачивать.

Он отлепился от машины, одернул куртку. В этом движении было что-то древнее, отработанное за сотни лет. Воин, собирающийся на вылазку.

— Там в километре мы деревню проезжали, — сказал он,

кивнув в сторону трассы, за которой угадывалась чернота полей и редкие огоньки жилья. — Пойдем. Поучу тебя охотиться как демон на звиг, а не как маньяк на людей.

— В деревнях они мощнее. — Взволнованно сказал Самаэль.

Видно было, что он весь в предвкушении.

— Тем полезнее, для тебя будет урок.

— Опять, — прошептала я, глядя, как две темные фигуры растворяются в ночи, сгущая вокруг себя тени. — Он будет делать это опять.

Алиса потянула меня к дверям бара. Ее пальцы были холодными, но хватка — железной.

— Некоторые вещи нужно просто принимать как факт, — сказала она, не оборачиваясь. — Я это еще на острове поняла. Не думать, хорошо это или плохо. Просто факт.

Бар встретил нас плотной стеной запахов. Пол липкий, свет тусклый, в углах клубится табачный дым. За стойкой возвышался бармен — крупный, с мясистым лицом, он протирает стакан грязной тряпкой, даже не глядя на него.

Дальнобойщики за соседними столиками проводили нас тяжелыми взглядами, но быстро потеряли интерес. Мы сели у стены.

— Что будете? — спросил бармен.

— Мясо. Хлеб. Чай, — сказала я.

Он кивнул и отошел.

Алиса помолчала.

— Он мне понравился, — сказала она наконец. В голосе — удивление. — Я раньше думала, что они просто звери. Грязные, тупые, опасные. Что их интересуется только жрать. Силу, энергию, неважно.

Она посмотрела на меня.

— А он... не такой. Он чувствует. Зачем ему это? Он же ничего от меня не взял.

Я вспомнила Дамиана. Как он остановился в волосе от моего лица, когда мог взять силой. Как ждал, пока я перестану бояться.

— Договор. Наполнишься и возьмёт свое, — сказала я.

Бармен принес чай. Алиса сжала кружку руками.

— Я боялась его в ту ночь, — сказала она. — Думала, что просто терплю. А потом поняла, что нет.

Она подняла голову.

— Это страшно. Не то, что они делают. А то, что я сама... хочу.

— Знаю, — коротко сказала я. Мысли вернулись к Дамиану.

Бармен принес заказ. Я смотрела на еду, не чувствуя голода, но взяла вилку.

Мы даже успели поесть до того, как к нашему столику подошли четверо. Черные куртки, тяжелые ботинки, стриженные затылки.

Они не сели. Обступили нас, встали так, чтобы отрезать путь к выходу. Я сжала пальцы на коленях под столом, ста-

раясь не показывать страха. Силы нет. Совсем. Если начнется драка — мы не выдержим и минуты.

Тот, что спереди, улыбнулся. Улыбка не тронула глаз — осталась холодной, примерзшей к лицу.

— Девушки, — сказал он, растягивая слова. — Одни? По-знакомимся? Мы угощаем.

— У нас есть спутники, — ответила Алиса ровно. Ее голос звучал спокойно, но я чувствовала, как она напряглась рядом. — Они скоро вернутся.

— Спутники, — протянул второй. Переглянулись с остальными, усмехнулись. — Где же они? Позови, поговорим.

Он полез за пазуху и достал амулет. Старая медная бляха на кожаном шнурке, потемневшая от времени, с выцарапанными знаками. Такие носят охотники. Для контроля.

— Поехали с нами, — сказал первый. — Поговорить надо. Не здесь.

Алиса встала. Стул скрипнул по липкому полу, и в тишине, которая вдруг наступила в баре, этот звук прозвучал оглушающе.

— Мы никуда не поедем, — сказала она четко, по слогам. — Оставьте нас в покое.

Я тоже поднялась. Ноги дрожали, но я заставила себя выпрямиться. Оглянулась на зал — дальнобойщики за соседними столиками, водители фур, мужики в промасленных куртках. Кто-то уже смотрел на нас.

— Помогите! — крикнула я. Голос сорвался, прозвучал хрипло, но громко. — Кто-нибудь, вызовите полицию!

Гул голосов стих. Люди замерли. Я видела, как мужик за соседним столиком достал телефон. Встала пара дальнобойщиков и сделали шаг в нашу сторону.

Первый охотник вытащил пистолет. Не целился — просто держал в опущенной руке, чтобы все видели.

— Сидеть, — сказал он в зал. Негромко, спокойно, будто просил передать соль.

И люди сели. Опустили глаза.

— Попытка, не пытка, — процедила Алиса.

Меня схватили за локоть — жестко, пальцы впились в кожу сквозь рукав плаща. Алису тоже — второй охотник взял ее за плечо, прижал к себе. Нас поволокли к выходу. Я не пыталась вырваться. Нельзя дать им понять, что мы без сил.

Нас вывели на улицу. Фонари мигали, бросая рваные тени на мокрый асфальт. В груди колотилось сердце — глухо, часто, будто пыталось вырваться наружу.

— Не дергайся, ведьма, когда я обернулась по сторонам, — сказал тот, что держал меня. Первый. С пистолетом. Голос спокойный, почти скучающий. — Хуже будет.

Из фургона, припаркованного у обочины, вышел еще один — пятый. Открыл заднюю дверь. Внутри было темно, пахло железом и чем-то сладковатым, приторным. Трава, которой пропитывают веревки. Чтобы забирать силу.

Мне связали руки за спиной. Веревка впилась в запястья.

Я замерзла. Вся. До костей. Но ничего не изменилось — силы не было и так. Они не знали. Они думали, что берут полных сил ведьм, а брали пустых.

— Зачем вам это? — спросила Алиса. Ей уже связали руки, толкали к фургону. В ее голосе не было страха — только холодная, тяжелая злость. — Мы вам ничего не сделали.

— Существование, — ответил первый, подталкивая меня вперед. — Этого достаточно.

Я упала на колено, споткнувшись о порог. Он дернул меня вверх, впихнул внутрь. Алиса уже сидела в темноте, прижавшись спиной к холодной стенке фургона. Ее глаза блестели в тусклом свете, падающем с улицы.

Дверь захлопнулась. Темнота стала полной.

Я слышала, как они сели в кабину, как завелся мотор.

Алиса дышала рядом. Прерывисто, часто. Я чувствовала ее плечо, прижатое к моему.

— Они не смогут нас найти, — сказала я. В темноте собственный голос прозвучал чужим, далеким.

— Дамиан и Самаэль, — ответила Алиса. Утверждение, не вопрос.

— Да.

Мы замолчали. Фургон трясло на ухабах, веревки впивались в запястья. Я закрыла глаза и думала о Дамиане. Что он почувствует, не найдя нас в баре. Злость? Облегчение?

Алиса тихо засмеялась. Я не поняла сначала — показалось. Но нет. Она смеялась. Тихо, почти беззвучно.

— Знаешь, — сказала она, когда смех стих, — я раньше таких мудаков одной левой разбрасывала. Медный амулет! Напугал... Им повезло, что мы сухие.

Она дернулась. Веревки закрипели.

— Демонов боялись, а тут какие-то люди в черных куртках...

Нас вытащили на песок. Фургон остановился у одноэтажного деревянного дома, с темными окнами. По двору бродила рыжая худая собака — ребра выступали из-под шкуры, она даже не залаяла, только проводила нас тусклым взглядом и отвернулась. Дом стоял на отшибе. За ним стеной поднимался лес — черный, плотный, без единого просвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.